

МНОЖЕСТВЕННЫЕ БРАКИ В БИОГРАФИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ МИГРАНТОК ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Лейсан Гарипова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
lgaripova@eu.spb.ru

Аннотация: В статье рассматриваются биографические нарративы женщин из Узбекистана, которые отправились в миграцию после неудавшихся браков. В России женщины задействуют репертуар брачных отношений, специфический для миграции и перекликающийся с изменениями ее законодательной основы. На материалах интервью исследуется, какие смыслы вкладывают женщины в множественные браки, возникающие в миграции. В формате кейс-стади рассматривается, как различного типа браки рационализируются мигрантками, а также анализируется пересечение различных типов партнерских союзов в их опыте. Возможность «починки» брачного статуса в России, а также возможность оставаться незамужней оказываются важным эпифеноменом миграции. Партнерские отношения в миграции также могут не только укрепить статус самих женщин в стране, но и способствовать мобильности детей.

Ключевые слова: женская миграция, браки в миграции, транснациональная миграция, миграция разведенных женщин, миграция в Россию из Узбекистана, семейная миграция.

Благодарности: Осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00377. <<https://rscf.ru/project/22-18-00377/>>.

Для ссылок: Гарипова Л. Множественные браки в биографических нарративах мигранток из Узбекистана // Антропологический форум. 2025. № 64. С. 199–226.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-199-226

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/064/garipova.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 64

MULTIPLE MARRIAGES IN BIOGRAPHICAL NARRATIVES OF FEMALE MIGRANTS FROM UZBEKISTAN

Leisan Garipova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
lgaripova@eu.spb.ru

Abstract: The article examines the biographical narratives of women from Uzbekistan who migrated after unsuccessful marital relationships. In Russia, these women utilise a repertoire of marital relations specific to migration, which resonates with changes in its legislative framework. The study, based on interview materials, explores the meanings women include in multiple marriages during migration. In the case studies it is examined how different types of marriages are rationalized by migrant women, and also how various types of marital unions intersect in their experience. The possibility of “repairing” marital status in Russia and the option of remaining unmarried are important epiphenomena of migration. Marital relationships in migration can also enhance not only the status of the women themselves in the country but also contribute to the mobility of their children.

Keywords: women migration, marriages in migration, transnational migration, migration of divorced women, migration to Russia from Uzbekistan, family migration.

Acknowledgements: Financially supported by Russian Science Foundation, project no. 22-18-00377. <<https://rscf.ru/project/22-18-00377/>>.

To cite: Garipova L., ‘Mnozhestvennye braki v biograficheskikh narrativakh migrantok iz Uzbekistana’ [Multiple Marriages in Biographical Narratives of Female Migrants from Uzbekistan], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 64, pp. 199–226.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-64-199-226

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/064/garipova.pdf>

Лейсан Гарипова

Множественные браки в биографических нарративах мигранток из Узбекистана

В статье рассматриваются биографические нарративы женщин из Узбекистана, которые отправились в миграцию после неудавшихся браков. В России женщины задействуют репертуар брачных отношений, специфический для миграции и перекликающийся с изменениями ее законодательной основы. На материалах интервью исследуется, какие смыслы вкладывают женщины в множественные браки, возникающие в миграции. В формате кейс-стади рассматривается, как различного типа браки рационализируются мигрантками, а также анализируется пересечение различных типов партнерских союзов в их опыте. Возможность «починки» брачного статуса в России, а также возможность оставаться незамужней оказываются важным эпифеноменом миграции. Партнерские отношения в миграции также могут не только укрепить статус самих женщин в стране, но и способствовать мобильности детей.

Ключевые слова: женская миграция, браки в миграции, транснациональная миграция, миграция разведенных женщин, миграция в Россию из Узбекистана, семейная миграция.

Введение

В исследованиях транснациональной миграции из Средней Азии в Россию единицей анализа нередко оказывается домохозяйство или расширенная семья. С учетом ее интересов принимается решение об отъезде мужчины или женщины, а также нуклеарной семьи. Хотя миграция из Центральной Азии в Россию многие годы представлялась преимущественно мужской, растущая феминизация миграционных потоков не миновала исследовательский фокус. Миграция женщины становится ощутимым для семьи сдвигом в традиционном гендерном порядке, где от женщины не ожидается экономической активности вне дома [Nizamedinkhodjayeva et al. 2017: 35–36]. Однако культуры миграции, возникшие и ставшие достаточно заметными к 2010-м гг. на постсоветском пространстве, меняют представления о границах мобильности. Миграция разведенных или вдовых женщин также рассматривается в некоторых случаях как слом традиционных норм, согласно которым женщина, оставшаяся без попечения мужа, возвращается в родительский дом. Например, относительно мигранток из Таджикистана София Касимова отмечает, что негативная реакция на самостоятельную миграцию вызывается несоответствием женщин «традиционному» образу:

Лейсан Гарипова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия
lgaripova@eu.spb.ru

в публичном поле (к которому относится и наемный труд) семью представляет мужчина, женщина же играет роль матери и домашней хозяйки [Касымова 2012: 68]. Негативная оценка — неодобрение, осуждение — в некоторых случаях сдерживается денежными отправлениями семье, которые осуществляет «кормилица»: при получении материальной поддержки со стороны мигрантки родственники не стремятся осуждать ее решения. Логика обеспечения благополучия домохозяйства, как кажется, в данном случае оказывается более приоритетной, нежели поддержание существующего гендерного порядка.

Транснациональный подход оказался плодотворным для исследования семейного контекста миграции и изменений в гендерном порядке в связи с возрастающей мобильностью. Д. Рахмонова-Шварц посвящает обширное исследование тому, каким образом семьи из Центральной Азии включаются в транснациональный контекст, учитывая особенности договорных браков с мигрантами и семейные экономические роли, возникающие из-за широкого распространения трудовой миграции. Исследовательница указывает на возрастающую тенденцию к тому, что в трудовую миграцию все больше вовлекаются разведенные женщины [Rahmonova-Schwarz 2012: 134]. При этом экономические факторы — лишь часть более сложной картины, где важную роль играют и проблемы семьи. Миграция разведенных женщин отмечается как тенденция и в более поздних исследованиях: число разведенных и овдовевших женщин среди трудовых мигрантов из Центральной Азии в России растет, хотя отмечается, что в миграции стабильно меньше одиноких женщин, чем мужчин [Rocheva, Varshaver 2017: 97]. Сопоставимо миграция из Узбекистана в Турцию характеризуется как преимущественно женская [Kamp, Nurdinova 2022: 194].

В чем причины миграции именно разведенных женщин? Сергей Абашин, рассматривая базовые сценарии миграции отдельных членов транснациональной семьи, отмечает, что шансы разведенной женщины обеспечить себя материально в России выше, чем в Узбекистане, где отсутствие кормильца ставит ее в тяжелое положение [Абашин 2015: 147]. Шансы разведенной мигрантки найти партнера в России также могут быть выше, чем в Узбекистане, — в этом проявляется специфика ситуации миграции, в которой действуют иные способы построения брачных отношений. От условно традиционных их может отличать ряд параметров, из которых бросается в глаза менее выраженное участие родственников в организации брака. Из кейсов, которые анализируются в статье, можно сделать вывод, что это не значит отсутствие инициативы родственников — разведенная женщина может не принимать их предложений, искать и выбирать партнера самостоятельно. При этом репутационные

издержки миграции уже не играют весомой роли для женщины, поскольку сам факт развода может накладывать стигму. Ей может словно навязываться вина за неудавшиеся брачные отношения — даже в случаях, когда ответственность за распад семьи лежит на мужчине.

Ольга Бредникова отмечает, что для разведенной или вдовой женщины характерен специфический сценарий миграции «починки социального статуса» [Бредникова 2021: 84]. Вместе с утратой брачного статуса женщина может потерять «место» не только в семье мужа, но и в собственной родительской семье. Так, после распада брака женщине некуда вернуться: дом, где она росла, может принадлежать уже одному из ее братьев с собственной семьей, или же осуждение со стороны родственников может лишать ее возможности жить с ними под одной крышей [Eraliev, Heusala 2021: 124]. Поэтому миграция оказывается единственным выходом, когда возвращение в родительский дом невозможно. В миграции женщина может снова обрести семейный статус. Хотя основная декларируемая цель поездки в Россию — заработки, поиск брачного партнера может быть одной из «попутных» целей миграции или происходить спонтанно, без целеполагания в этом направлении.

При этом проект миграции, изначально нацеленный на заработки, может способствовать тому, что женщины в уязвимой ситуации прибегают к стратегическим отношениям. В этом ключе Алексия Блок анализирует спектр отношений женщин из постсоветского пространства с мужчинами-гражданами Турции [Bloch 2017]. Блок рассматривает романтические отношения, которые становятся экономическим подспорьем для женщины и ее транснациональной семьи. Желание эмоциональной близости смешивается с желанием укрепить свое материальное положение, что обуславливает гендерный контракт с мужчинами-гражданами страны. Сложности в документировании пребывания в Турции наводят мигранток на альтернативные способы установления правового статуса в стране, например на фиктивный брак.

Шерзод Эралиев и Анна-Лииса Хеусала отмечают, что часть одиноких мигранток в России — разведенных или незамужних — соглашаются жить в гражданском партнерстве с мигрантами-мужчинами [Eraliev, Heusala 2021: 120]. Хотя большой город дает простор для индивидуального образа жизни, опрошенные женщины обосновывали свой выбор экономически — партнеры соглашались покрывать часть их расходов: аренда жилья, документирование, питание.

Таким образом, исследователи не обходят вниманием роль одиноких или разведенных женщин в транснациональной

миграции на постсоветском пространстве, однако их брачные отношения редко оказываются в прицельном фокусе. Я бы хотела обратить внимание на то, какие формы брака возникают в биографиях разведенных женщин и каким образом они формируют их миграционную траекторию. Ведут ли они к «починке социального статуса»? Меняются ли в результате их отношения с семьей? Как разные формы брака и их мотивы описываются самими женщинами?

В рамках рассмотрения способов устройства брачных отношений я затрагиваю понятия традиции и модерна. Оба вызывают широкую дискуссию о модернизации в Центральной Азии, о советских эмансипаторных проектах, становлении национальных государств и новом витке традиционализма [Akiner 1997]. В этой работе я не углубляюсь в проблематизацию этих понятий, принимая следующие определения.

Нодира Азимова и Шахзода Каримова, рассматривая динамику домохозяйств и образования новых семей на полевых материалах из одного из сел Узбекистана, под термином «традиционная» подразумевают расширенную семью [Karimova, Azimova 2017: 46]. Исследовательницы отмечают весомое участие родителей в браках детей, а также экономическую роль расширенной семьи в поддержке брачных союзов нового поколения в 1990-е гг. Организация браков требовала активного участия родственников и сообщества. Так, поиском невесты занималась, как правило, мать молодого человека. Переговоры о браке велись не столько со стороны самих партнеров, сколько со стороны родителей. В первое десятилетие независимости Узбекистана экономические трудности побуждали молодые пары продолжать жить в расширенных родительских семьях: при нормативном патрилокальном сценарии невестка переезжала к родителям мужа. Поворот к традиции в транзитный период изменил отношение и к полигинии. Так, Ширин Акинер отмечает, что полигиния распространилась и перестала рассматриваться как нечто безоговорочно неодобряемое в Центральной Азии в сравнении с советским периодом [Akiner 1997: 287].

Для описания семейных отношений информанток я использую понятия гендерного порядка и гендерного контракта. Вслед за Р. Коннеллом Анна Темкина определяет гендерный порядок как статусный социальный порядок, для которого характерно неравное распределение благ и престижа по признаку пола [Темкина 2008: 24]. В гендерном порядке могут быть выделены доминирующий или несколько доминирующих гендерных контрактов. Они характеризуют предписания в отношении людей и дифференциацию деятельности по гендерному признаку

и возрасту, что определяет их статус, права, обязанности и ответственность в сфере воспроизводства и производства [Темкина 2008: 24]. В соответствии с гендерным контрактом определяется, кто именно и за счет каких ресурсов осуществляет работу заботы.

В условиях модернизированного гендерного порядка возникают различные межличностные сценарии, которые допускают вариативность брачных, добрачных и внебрачных отношений [Темкина 2008: 17]. Смещение баланса от традиционных к модернизированным семейным отношениям в Узбекистане отражает нуклеаризация [Karimova, Azimova 2017: 49]. Она влечет за собой также изменения в семейных приоритетах: в получении образования перед вступлением в брак, в рождаемости и предпочтительном числе детей, выборе партнера и общении до свадьбы, а также в эгалитарных тенденциях в союзах.

Эмпирические материалы

Информантки — женщины из Узбекистана. Миграционная политика и России, и страны отправления менялись в последнее десятилетие. Это отражается на миграционной биографии, документировании и статусе в России, а также в семейных решениях информанток. Особенности мобильности в связи с миграционной политикой — необходимость патентов для трудоустройства с 2015 г., возможность при принятии российского гражданства не отказываться от гражданства Узбекистана с 2020 г. Региональные особенности я обозначаю в большей степени в связи с миграционной политикой стран в целом, нежели в связи с локальными паттернами. Информантки, с которыми я взаимодействовала в поле и вне его (поиск осуществлялся в том числе методом снежного кома), были из разных частей Узбекистана. С несколькими информантками знакомство состоялось в некоммерческой организации, где в качестве волонтера-преподавателя я занималась с их детьми. С одной из женщин, кейс которой приводится в статье, меня познакомила другая информантка, ее подруга. Основной источник биографических нарративов женщин в этой работе — глубинные интервью.

Фокус работы — миграция женщин со «сломанным брачным статусом» [Бредникова 2021]. Информантки — женщины, которые в различное время отправлялись в миграцию в связи с неудавшимися семейными союзами и вступали в брачные отношения разных форм: в религиозный, фиктивный и официальный брак. Здесь я хотела бы исследовать вопрос, как разные формы брака включаются в миграционные сценарии разведенных женщин из Узбекистана.

На материале биографических интервью я анализирую особенности миграционной траектории информанток в формате кейс-стади. В статье рассматриваются биографии трех информанток. В каждом из кейсов одно из интервью было биографическим. Поскольку изначально озвучивалось, что исследование проводится с целью изучения семейной миграции, во многом диалоги выстраивались вокруг этой темы. Полуструктурированный формат интервью позволял следовать за нарративами информанток. Биографический подход к материалу дает возможность рассмотреть как индивидуальные особенности миграции, так и общие тенденции. Опора на нарративы самих мигранток позволяет выделить те смыслы и значения, которыми сами информантки наделяют события своей жизни [Erel 2007]. В двух кейсах интервью были проведены также с мужем или сестрой информантки. Это предоставило дополнительную перспективу для рассмотрения семейных отношений женщин.

Мои собеседницы уже прошли путь эмансипации в детстве и юности: все учились в светских школах, некоторые получили среднее специальное или высшее образование, все занимались наемным трудом до миграции. В каждом кейсе я очерчиваю образовательный и трудовой бэкграунд женщин, которые дают представление об уже воплощенных модернизированных сценариях в их жизни. Решимость разорвать брачные отношения и самостоятельно отправиться в миграцию также подчеркивает, что женщины реализуют эмансипаторные практики мобильности — социальной и пространственной.

«Ладно, попробую в последний раз»

С самого начала общения было видно, что Аниса — нетипичная узбекская мама. Татуировка на предплечье, русский муж, музыкальный клип на YouTube с ее участием, ссылку на который Аниса скинула с просьбой поставить лайк. Женщина обратилась в НКО, где в качестве волонтера я вела занятия по русскому языку у ее старшей дочери, приехавшей не так давно в Петербург. Аниса начала рассказывать историю своей миграции и переезда детей в Россию в голосовых сообщениях — начало нашего общения пришлось на период пандемии. Ряд интервью, на основе которых я хотела бы отметить изменение отношения информантки к браку, отношениям и их роль в миграционной биографии, были проведены на три года позже. Несмотря на длительный перерыв в общении, у нас состоялось несколько насыщенных диалогов, где Аниса достаточно открыто рассказывала о событиях своей жизни. Первое интервью, состоявшееся в мае 2023 г., было сфокусировано на биографии информантки. Второе, через полгода, было сосредоточено на текущих

семейных отношениях Анисы, а также затрагивало изменения, произошедшие за полгода в ее жизни. В ноябре также состоялось интервью с мужем Анисы. Я сфокусируюсь на биографическом нарративе женщины, подчеркивая роль различных форм брачных отношений, в которых состояла информантка, в ее миграционном сценарии.

Аниса родилась в 1985 г. в одном из крупных городов Узбекистана. Ее и старшего брата воспитывала мама, которая развелась с отцом информантки. Отец не поддерживал семью, и мама Анисы занималась «челночной» торговлей, отправляясь в Россию с одними товарами и возвращаясь с другими. Воспитанием Анисы занималась бабушка — религиозная женщина, мусульманка. Аниса отмечает конфликт матери и бабушки в воспитании, поскольку бабушка прививала внучке религиозные и культурные нормы, которые условно можно назвать традиционными, в то время как мать информантки в большей степени ориентировалась на более светскую модель, предпочитая ее как в одежде, так и в отношении религии.

И вот, в шортиках, платочку сняли, намаз не читаем и ходим вот так вот. И я стеснялась так выходить, но, так как моя мама очень была строгая, я очень боялась <...>. Но бабушка всегда боролась. Бабушке никогда не нравилось, что я так одеваюсь. Она всегда сидела молилась и маме говорила: «Быстрее уезжай в свою Россию, дочку не порть мне», — ну, внучку.

Впоследствии информантка в большей степени ориентировалась на светскую модель, нежели на условно традиционные или религиозные нормы. С некоторой иронией она говорит, что была «советским человеком». Аниса рано пошла в школу, но в большей степени занималась творческой деятельностью: пела и танцевала в ансамбле, который ездил по городам Узбекистана. В юности девушка самостоятельно переехала в Ташкент: планировала учиться, но не поступила. Аниса осталась в столице, чтобы заниматься с репетитором. В Ташкенте начала работать в «забегаловке», снимала комнату и сводила концы с концами. Мама информантки продолжала ездить в Россию уже вместе со старшим сыном, но поддержки с их стороны Аниса не чувствовала — «ни финансовой, ни духовной». В Ташкенте у Анисы произошли первые романтические отношения:

Сейчас уже более современные, во всём плане, что обниматься, целоваться или... куда-то с парнем ходить, остаться ночевать. Сейчас уже вполне встречается в Ташкенте. А в наше время это было позор. Я вот три года встречалась, за три года на щечках, наверное, он целовал меня два раза. <...> бабушка уже начала «замуж тебе надо выходить» — там же рано выдают. Я с ним, естественно, начала обсуждать.

Однако молодой человек не собирался жениться на Анисе, что оказалось для нее большим разочарованием. Информантка отмечает, что была «однолюбом» и для нее «всё было серьезно». Брак рассматривался Анисой как подтверждение и продолжение эмоциональной связи. Нарушение девушкой условно традиционных норм, где долгое общение перед заключением брака не приветствуется, стало одной из причин, по которой отказ молодого человека Аниса восприняла как предательство. Нежелание молодого человека заключать с Анисой брак оказалось одним из факторов, которые привели ее к решению о миграции.

Потом я была злая, естественно, причину спросила — а почему не хочешь жениться? Он говорит: «Во-первых, ты без отца выросла, во-вторых, у тебя нету жилья». <...> Ну, у меня вот унижение внутри — что у тебя нету жилья в Ташкенте, ты живешь в съемной, это, честно говоря, ну, потрянуло меня. <...> Разрешение на работу делалось на один год — делали, и спокойно можно было находиться в России и работать. Вот я сама себе цель поставила, буду работать, я сама себе за год должна накопить деньги на жилье. Куплю жилье рядом с его домом и докажу, на что я способна, хоть я и без отца выросла.

Несостоявшийся брак стал пуш-фактором, определившим цель первой поездки в миграцию. Возможность работать год в России (тогда еще не была введена патентная система трудоустройства иностранных граждан) и удачный курс валюты сформировал план миграции девушки. С намерением заработать на квартиру в Ташкенте она отправляется в Подмоскovie с матерью и братом. Информантка неоднократно подчеркивает чувства злости и обиды, повлиявшие на ее решения, — не экономическую причину или желание иметь жилье, чтобы удачно выйти замуж, но именно эмоциональные аспекты выбора.

Информантка отдельно отметила также важность в Узбекистане собственного жилья, стремление обзавестись недвижимостью, прежде чем заводить семью: «Для России, например, съемная квартира — это норма. <...> Для Узбекистана это чуть-чуть позорно считается». Такого рода ожидания (наличие жилья) при заключении брака скорее могли бы транслироваться в отношении жениха. В этот период (2000-е гг.) подобный сценарий мобильности в Россию — миграция с целью покупки недвижимости, чтобы оказаться завидным партнером на брачном рынке — был бы характерен скорее для молодого человека. Самостоятельное решение эмигрировать для молодой девушки с учетом репутационных рисков — довольно нетипичный сценарий, хотя Аниса и отправилась в Россию в сопровождении мамы и брата. Этот проект миграции в сравнении с последую-

щими поездками информантки в Россию условно можно охарактеризовать как направленный на эмансипацию — из-за желания доказать свою личную экономическую состоятельность. Эта внешняя характеристика не предполагает, что в дальнейшем миграция действительно оказалась эмансипаторным проектом (с учетом проблематичности этого понятия: какой проект мы можем считать освободительным исходя из различных идеологических посылок? [Махмуд 2023: 36]).

Приехав в Московскую область, информантка и ее мама поселились с ее братом. Затем Аниса переехала к знакомой, позже начала снимать койко-место в женской комнате с другими мигрантками. Туда же позже переселила маму и брата: когда у близких были проблемы с документами, Аниса работала и содержала их. Сначала Аниса устроилась посудомойщицей, затем продавщицей в овощном магазине. Позже девушка поняла, что с одной работой и заботой о близких не накопить нужную сумму. Аниса нашла дневную работу в пекарном цеху и вечернюю — поваром в клубе. Тем не менее, по расчетам Анисы, нужная сумма не накапливалась — информантка обозначала точную сумму, которую ей было необходимо накопить.

Аниса: Но я ровно через год, когда разрешение на работу у меня закончилось, я ровно улетела.

ЛГ: В Ташкент? И купили квартиру там?

Аниса: В Ташкент. Купила квартиру, и за этот момент, когда я в клубе работала, у меня появился мой муж. Ну муж неофициально, просто так как...

ЛГ: Гражданский?

Аниса: Да, гражданский муж. Он очень, скажем так, денежный был. Я, когда в клубе работала, мой друг нас познакомил, и вот оттуда стало легче жить, так как он снял квартиру и вот с этой толпы меня забрал. И он начал платить за квартиру, естественно, за продукты, поэтому я смогла копить зарплату...

Первый муж Анисы, по ее словам, был «в возрасте». Аниса рассказывает, что партнер не нравился ей, однако она нуждалась в поддержке «из-за финансового затруднения»: к тому моменту стало ясно, что даже с двумя работами накопить за год на квартиру она не сможет. Для Анисы первоначальный план миграции («доказать», на что она способна) по-прежнему был важен. Девушка знала, что у мужчины есть семья в Туркменистане. Позднее также выяснилось, что Аниса — не единственная его партнерша в России. Информантка отмечает: «Вот злость меня толкнула познакомиться с ним», — разочарование в той модели отношений, которая была с молодым человеком в Ташкенте, подвигла ее к более утилитарному подходу к браку: «Да, потом реально не жалела, что он мне помогал».

Незаинтересованность Анисы в собственно семейных отношениях с партнером обусловили гендерный контракт, где, как отмечает сама информантка, от нее ожидалась скорее роль любовницы. Тем не менее в родном городе Анисы они «сыграли свадьбу» без юридической регистрации отношений и религиозного брака: «Он просто для моего авторитета [выделено мною. — Л.Г.] в нашем городе сыграл свадьбу», — было организовано только торжество. Мама информантки, по ее словам, поначалу не принимала эти отношения, но позже начала общаться с мужем Анисы. Брат категорически не принял брачный статус Анисы. Свадьба, сыгранная «для авторитета», свидетельствует о том, что Аниса и ее партнер сочли релевантным легитимизировать отношения на родине женщины, несмотря на отсутствие намерения создавать семью.

Отношения длились несколько лет. Аниса, как и планировала, достигла цели первоначальной миграции — смогла купить себе квартиру в Ташкенте, но оставалась в России. Однако со временем Анису перестал устраивать статус одной из любовниц — помимо нее, у мужчины было еще несколько женщин, он начал «исчезать». Как признает сама информантка, «не любила его, но привыкла», чувств к партнеру у нее не было и тогда, когда они расставались. К тому моменту Аниса была беременна старшей дочерью. Дочь родилась в Узбекистане, когда женщине было 24 года. Через два месяца Аниса снова отправилась в Россию, чтобы обеспечивать дочь и оставшуюся с ней мать. Проект миграции обрел другое значение: теперь Аниса поехала в Россию как «кормилица».

В биографии Анисы родственники, помимо детей и матери, не представляются как заметно влияющие на ее выбор фигуры — у информантки складывается достаточно индивидуалистический нарратив, в котором принимаемые решения не преподносятся как обсуждаемые в широком кругу или затрагивающие интересы расширенной семьи. Несмотря на то что в этот раз миграция была продиктована уже семейными интересами (обеспечить близких), решения женщина позиционирует как самостоятельные, в частности экономические. Аниса отмечает, что откладывала деньги в банке, вела счет расходам, в том числе матери и дочери. Аниса могла копить зарплату благодаря сдаче одной из комнат приобретенной в Ташкенте квартиры, сделав в ней ремонт.

Вот таким образом стала вертеться (пауза). Потом уже получилось копить, а потом бывало, когда я стала... бзик пошел, надоедает кататься, ты один. Потом маме сказала, что надо пять тысяч долларов копить, потом я вернусь в Узбекистан: «Буду с вами жить, здесь какой-то бизнес открою, и с вами уже

всё, забуду про Россию». А такой момент, чтобы я вот всё, что заработала, копила — вот этот пять тысяч долларов для бизнеса — в Ташкенте свою квартиру мы суточно сдавали абитуриентам.

В 2015 г. информантка накопила достаточную сумму и вернулась в Узбекистан с планами остаться с семьей и не ехать больше в Россию. Решение совпало с введением патентной системы в РФ, однако информантка не отмечает этот фактор в своем нарративе. Это была первая «попытка остаться в Узбекистане». По словам Анисы, попытка была неудачной из-за недостатка опыта в предпринимательстве и управлении: «А потом вторая попытка. Открыла бизнес по танцам. Открыла шоу-группу». Аниса занималась организацией танцевальных номеров, вложив деньги вместе с подругами в труппу: «Моя задача — всех обеспечивать костюмом, работой, зарплатой и жильем, если в командировку куда-то, кроме Ташкента». Аниса начала получать высокий доход, бизнес расширялся на другие города. Тогда же у Анисы появился романтический партнер, который работал у них охранником. Через месяц отношений Аниса поняла, что беременна, мужчина настоял на том, чтобы оставить ребенка.

Аниса: С ним сделали никах. Свадьбы не было, никах сделали.
ЛГ: А это чья инициатива была?

Аниса: Моя, это я предложила. Сказала, пойдём, родители хочёт с тобой познакомиться. Он приехал в Ташкент со мной вместе, он спокойно познакомился с мамой, дядей, с братом. Вел себя как надо, как будто у него серьезные планы на будущее. Вызвали муллу, никах сделали, чтобы ребенок, ну, по мусульманскому верой, они так считали.

Религиозный брак был более важен родственникам — сама Аниса не обозначала в интервью, что никах имел для нее особое значение. Женщина отмечает скорее эмоциональную значимость брака для нее в тот период. Она обозначила, что вернулась в Узбекистан с желанием остаться с семьей, не чувствовать одиночество в миграции. Партнер был младше, меньше зарабатывал, однако в этом союзе для Анисы была более значима эмоциональная сторона семейных связей. Позже Аниса поняла, что партнер в большей степени заинтересован в ее благосостоянии. Мужчина просил деньги у Анисы под предлогом болезней родителей, ожидая с ее стороны поддержки также его семьи. Аниса оценивает сложившуюся в этом браке инверсию экономических ролей как проблематичную, хотя и была готова обеспечивать их нуклеарную семью:

А третий раз я рывкнула, я сказала: «Ну как тебе не стыдно? Ты — мужчина и у беременной своей женщины спрашиваешь деньги». После этого он стал меньше появляться, меньше зво-

нить. <...> Я почему-то думала... я понимала, что он нищий человек, но для меня было главное — не деньги, а счастье, и при этом я понимала, что он моложе меня. <...> Думала, что он будет ценить меня, всё будет хорошо. А вот финансовые затруднения... мой бизнес расширилось, спокойно я могу что-то сделать для семьи. Купить квартиру или машину. А потом уже токсикоз — у меня всё время сильно проходит. Токсикоз началось, и я поняла: всё, конец наступил — на бизнес, на семью.

Анису не беспокоило ни экономическое положение мужа, ни оценка их брака со стороны — союзы, где мужчина младше, не всегда одобряются в Узбекистане, согласно замечанию самой информантки. Отношения прекратились, когда Аниса была на шестом месяце беременности. Попытки родственников урегулировать ситуацию с мужем Анисы через его родителей не увенчались успехом, поскольку мужчина не был заинтересован в поддержании семьи. Неудавшийся брак снова приводит к миграции — в этот раз в Россию едет мама Анисы.

В 2016 г. Аниса остается беременная в Ташкенте вместе со старшей дочерью, мама Анисы отправляется в миграцию на три месяца. По возвращении она остается с дочкой Анисы и двухмесячным сыном. Аниса в очередной раз отправляется в миграцию, снова в роли «кормилицы»: «Стала заново в Россию кататься. Уже в этот раз троих содержать: маму и двоих детей». В Петербурге она встретила своего нынешнего мужа — Кирилла. В этот раз у Анисы была иная «тактика» в отношениях, аналогичная той, что была у ее партнера:

Я тоже [с] мужчинами стала знакомиться, кто-то предложил замуж выйти, кто-то обеспечивали. Естественно, два или три любовника было у меня. <...> и я уже стала настолько злая, что с двумя детьми я без мужчины, не могу ужиться. И у него также, кроме меня, два-три запаса были. У нас какая была тактика с ним. Он хочет... жениться за Валей, образно говорю. А она всегда футболил его. А я, например, хочу замуж выйти за Максима, скажем так, но Максим меня никогда не отфутболил, но у него был бзик, что «я в возрасте, ты молодая, я не могу жениться, ты изменять будешь».

В нарративе об отношениях Анисы после двух браков прослеживается мотив инвестиций: вкладываемые в них чувства оказываются словно ресурсом, который может быть конвертирован в другие блага [Illouz 2007: 5]. В предыдущем браке эмоциональная вовлеченность женщины оказалась, в рамках логики эмоционального капитализма, неудачным вложением. Аниса ищет иную стратегию, минимизируя риски, с которыми столкнулась в предыдущих браках. Один из партнеров в России, который был старше и поддерживал Анису финансово, рас-

смастривался как более перспективный «вариант» для замужества. Однако обстоятельства сложились таким образом, что Кирилл помог Анисе, когда та находилась с болеющим сыном в Узбекистане, и выразил серьезные намерения вступить с ней в брак. Это был не первый ее партнер с российским гражданством. Аниса сама отмечает, что если бы гражданство было целью при вступлении в брак, она бы могла получить его и раньше.

В апреле 2020 г. в России были приняты поправки в закон о гражданстве, где исключили пункт, требующий при подаче заявления на получение российского гражданства заверенной копии заявления (в посольство или консульство прежней страны) об отказе от прежнего гражданства. Информантка отмечает, что это обстоятельство повлияло и на ее решение относительно брака. Аниса отмечает, что «уходила в хаос» при мысли, что ее близкие — муж и дети — будут носителями другого гражданства. Перспектива отказа от одного гражданства в пользу другого пугала. В 2020 г. благодаря возможности сохранить гражданство Аниса вступила в «официальный брак» и привезла в Россию детей, которых усыновил нынешний партнер.

Потому что раньше было закон, то бишь... при российском гражданстве вы должны были отказаться от узбекского. Вот, вот это всегда меня остановило. Я всегда говорила: «Я не хочу отказаться от Узбекистана. Это моя родина, и я не буду отказываться. И твое гражданство при этом мне не надо». <...> я не против, да? Всегда-всегда жить в России. Я просто опасуюсь, как запас-вариант Узбекистан. Ну, я как бы, когда у меня семья, мой муж, мои дети в России, естественно, я жить одна в Узбекистане не буду. Вот хоть хочу — не могу. Я и сильно не хочу. Мне больше комфортно в России.

«Запас-вариант» довольно заметен и в экономических решениях женщины. Так, Аниса в 2023 г. поехала в Узбекистан, чтобы продать квартиру, которую сдавала квартирантам. Семья приобрела там же недвижимость побольше, несмотря на то что планов когда-либо жить там нет. При этом годом позже информантка с мужем приобрела жилье и в России. Ранее они снимали квартиру, затем купили дачу и собственное жилье в ипотеку. Сейчас Аниса самостоятельно рассматривает варианты инвестиции в недвижимость в России, поскольку находит это перспективной нишей.

Характерно, что проекты профессиональной реализации Аниса воплощала именно в Узбекистане — в России она работала на должностях, которые не требовали высокой квалификации или длительного обучения. При этом в Узбекистане женщина занималась предпринимательской деятельностью в соответствии

со своими интересами. Сейчас Аниса занимается пошивом на дому — в юности в Узбекистане она уже занималась шитьем. Из Ташкента к ней переехала мама, чтобы помогать с детьми и с заказами. Муж обеспечивает всю семью, хотя изначально и Аниса, и Кирилл работали, пока не родился ребенок: «У нас как у узбеков — он должен работать, а я должна дома сидеть с детьми».

Таким образом, первый «гражданский» брак информантки (для ее «авторитета») существовал без интенций к образованию семьи с обеих сторон. Во втором, религиозном, браке Аниса возлагала больше надежд на эмоциональные аспекты семейной жизни и привязанность, нежели оценивала надежность партнера или придавала особое значение ритуалу. И наконец, третий — «официальный брак», к которому Аниса подошла более рационально, словно к инвестициям. Последнее перекликается с отношением информантки к гражданству: Узбекистан остается «запас-вариантом», от которого окончательно отказаться женщина не готова.

Несмотря на то что информантка позиционирует свой нынешний брак как традиционный патриархальный союз (несколько иронично отмечая, что теперь у нее «узбекская» семья с русским мужем), в отдельных аспектах прослеживается его квазитрадиционность. Аниса отмечает, что переосмысливает в очередной раз — уже внутри брака — собственную роль в отношениях, отказываясь от тех ролей, которые не видит «рабочими». Так, женщина размышляет о возможностях инвестиций в недвижимость, строит планы без оглядки на мужа, рассматривает возможную занятость, «сходя с ума» дома с детьми. На первый взгляд, информантка пробует воплотить сценарий преимущественно семейной экономической вовлеченности, словно отказываясь от личных амбиций и экономических интересов. При этом отказ оказывается достаточно номинальным: индивидуалистическая модель, расшатывающая логику традиционного домохозяйства, звучит лейтмотивом в ее текущих планах.

Во время интервью с Анисой у меня возникло чувство, что информантка рассказывает о личной жизни схоже с нарративами турецких сериалов: мотивы действующих лиц, острые разочарования, неожиданные повороты. Такого рода романтизация схожа с тем, что отмечает Алексия Блок у мигранток из постсоветского пространства в Турции — романтический идеал в индийских фильмах [Bloch 2017: 10]. Заимствование паттернов именно из турецких сериалов прослеживается и в вариантах имени, которые информантка рассматривала для своей старшей дочери. Одно из них было Нисрен.

В то время какой-то фильм был турецкий, телесериал, там дочь мафиозника, звали ее Нисрен. А я же творческий человек, всегда летала. И я вот мечтала, что моя дочка была похожа на нее.

«Как будто позор»

Во время полевой работы я довольно близко общалась с одной из информанток — мамой моего ученика Мумтозой. В 2016 г. она перевезла в Петербург сына, через два года мы познакомились в некоммерческой организации. Тесное общение сложилось, поскольку информантка испытывала трудности в воспитании сына. Мумтозе словно не хватало поддерживающего сообщества, которым могла бы быть расширенная семья в Узбекистане, и женщина активно пыталась вовлечь в воспитание сына в том числе преподавательниц.

Мумтоза родилась в Узбекистане в 1980 г. четвертым ребенком в семье, где было девять детей. Семья не бедствовала. Отец настаивал на том, чтобы дочери получили высшее образование: после школы информантка училась на химика-технолога в институте в Ташкенте.

Отец Мумтозы умер в 1997 г., что, по ее мнению, стало переломным моментом в жизни семьи в худшую сторону. В 2005 г. она вышла замуж за молодого человека, которого выбрала ее мама. Сама информантка полагает, что, если бы брак по договоренности был устроен отцом, он бы выбрал ей более подходящего партнера. Причем Мумтоза отмечает, что брак был поздним согласно локальным представлениям — ей было 25 лет. Мама выдала ее замуж за дальнего родственника. Несмотря на то что брак был несчастлив (муж злоупотреблял алкоголем и бил Мумтозу), родственники были против его расторжения. Беременная Мумтоза ушла от мужа через год. Она говорит о разводе как о шаге, потребовавшем львиной доли смелости и решительности. В первом интервью, которое состоялось в 2020 г., Мумтоза отмечала, что она единственная разведенная женщина в семье. Негативное отношение окружающих («как будто так смотрят», «как будто позор») стало одной из причин миграции в Россию. Мумтоза отметила, что женщин, которые уезжают в миграцию, осуждали в ее родном поселении, где считалось, что мигрантки в России «занимаются плохими делами». Позже информантка перевезла в Россию сына. Желание увезти ребенка в Петербург отчасти было мотивировано осуждением одиноких мигранток:

Я потом решила, чтобы лучше надо забрать сын[а]. Пускай он... тоже пускай знает меня. Я как работаю, чем занимаюсь. Пускай он, когда вырастет, знает: моя мама вот двенадцать

часов, пятнадцать часов работала. Моя мама всегда вот... у нас же по-другому, я же говорю, мнение.

В интервью три года спустя женщина отметила, что ситуация в ее родном поселении меняется. Помимо появления в расширенной семье других разведенных женщин, трансформируются и взгляды на развод: «Сейчас люди современной становятся. Мнение, окружение».

Профессиональная биография информантки во многом перекликается с ее занятостью на момент нашего знакомства — тогда она работала в кондитерском цехе. После окончания института в 2001 г. Мумтоза пошла на кондитерские и парикмахерские курсы. Затем женщина вернулась к семье и работала на винзаводе, после банкротства которого стала делать на заказ торты к свадьбам, а также подрабатывать парикмахером. Будучи беременной, Мумтоза преподавала в колледже, продолжала брать кондитерские заказы. Ее первый сын Абробек родился в 2009 г. В 2011 г. Мумтоза переехала в Россию, сын остался с бабушкой. В Петербурге Мумтоза обнаружила, что вакансия, на которую ее звали, занята. Подруга Мумтозы предложила ей стать посудомойщицей, на что информантка ответила, что не поехала бы в Россию за такой работой. Изначально целью Мумтозы было заработать на жилье в Ташкенте, позже ее планы трансформировались. Через год после начала миграции женщина поехала навестить сына:

Абробека оставила же дома маме, очень скучала, вернулась домой, на месяц хотела, пошла — они опять меня хотят замуж отдать [смеется]. <...> У брата однокурсник был. Недельку была дома, сразу же билет купила. Сказала: «Вы опять хотите мне испортить жизнь?»

Миграция позволяла Мумтозе не вступать в не устраивающие ее брачные отношения, в то время как со стороны родственников предпринимались попытки «починить» семейный статус единственной разведенной женщины в семье. Во время приездов в Узбекистан ей предлагали выйти замуж снова, рассматривая конкретных «кандидатов», но Мумтоза уже относилась к взглядам родственников на ее брачную жизнь с недоверием из-за неудачно устроенного ими первого брака. Из-за неприятия ее развода со стороны брата в Петербурге женщина жила отдельно.

В 2014 г. Мумтоза вступила в брак, чтобы оформить разрешение на временное пребывание: «Мне надо был брак фиктивный». Женщина заплатила посредникам 180 тыс. руб., надеясь постепенно получить гражданство. Но через несколько лет, когда у нее уже был вид на жительство, фиктивный муж умер.

В 2019 г. давний знакомый из Узбекистана, который также находился в миграции, сделал Мумтозе предложение. У мужчины была семья в стране отправления. Бракосочетание было только религиозное — Мумтозе, которая позиционирует себя как мусульманка, важно было легитимизировать таким образом союз:

Он давно хотел, я сказал[а]: «Давай жить, но мне надо рожать». Он сначала сказал: «Давай без венчания?» Что это? Я мусульманка. «Нет, давай с никахом», — он согласился, сам нашел, где мечеть, человека. Имам пришел к нам, подруга, сестра пришли, соседи. Был никах.

Никах стал доступной формой легитимации отношений и для Мумтозы, которая на тот момент состояла в фиктивном браке, и для ее мужа, который уже был женат. Для информантки важным мотивом вступления в брак было также желание родить еще одного ребенка. Обсуждая предстоящий брак, женщина говорила о своем намерении, обозначая нечто вроде сроков, в течение которых она рассчитывает на его помощь. Однако надежды Мумтозы на поддержку со стороны партнера не оправдались:

Потом вот забеременела. Но он тоже... Смотрю, ничего не обеспечивает, ничего нет. Я сказала: блин, у меня судьба такая, что ли? Какой смысл, если мужчина не обеспечивает, не помогает? <...> Я ему сказала: «Давай вместе жить, мне надо рожать. Два года ты помоги, обеспечивай нас. Потом ничего не надо от тебя, я сама дальше справлюсь».

Мумтоза рефлексировала на тему того, что ее роль «устремленной женщины», как она характеризует себя в другом контексте, в отношениях не принималась партнером. В день, когда мужчина сделал ей предложение, он ждал ее после длительной рабочей смены с цветами. По словам Мумтозы, она впервые «почувствовала себя женщиной». Важным фактором вступления в брак второй женой для нее была эмоциональная вовлеченность, которая стала менее актуальна, когда гендерный контракт не оправдал ожиданий:

Но мы с ним друг друга любили, он очень меня ценил, всё женское счастье, всё от него хотела. Моя тоже ошибка была, я слишком... Я не знаю. Я не умею такого, как он хотел. У нас был разговор. Он сказал: «Тебе надо сказать по-другому, мне гордость не позволяет». Ну блин. Когда мужчина живет бесплатно, без никаких расходов — это гордость позволяет. Когда женщина всю правду говорит — это гордость не позволяет, что ли?

Пара жила вместе около четырех месяцев. Разрыв случился по инициативе Мумтозы, когда она была беременна вторым

сыном. Религиозного развода — талак — не было. Вещи мужчины забрал племянник. Мумтоза полагает, что брак оценивался как «настоящий» с ее стороны, в то время как для партнера этот союз был чем-то иным:

Но знаешь что, у него был свой план, я думаю сейчас, он просто со мной хотел жить, пока жены нет здесь, я так думаю. Он просто использовал меня, все. Если бы он любил, если бы на самом деле он хотел, у нас по-другому получилось бы. <...> Он после меня опять начал с кем-то жить — от нее дочка есть уже.

Мумтоза решила, что ребенку важно иметь российское гражданство, поэтому предложила своему бывшему коллеге, гражданину России, жениться. Тот отказался от предлагаемых денег, поскольку знал, что женщина воспитывает сына одна, и согласился вступить в брак. В 2020 г., к моменту рождения у Мумтозы второго сына (от распавшегося к тому времени религиозного брака), она уже была формально замужем за коллегой. Новорожденный автоматически получил гражданство России благодаря гражданству мужа:

Это мне предлагали знакомые, когда они сказали, как надо получить гражданство: «Тебе что-то надо делать, ты беременна, после рождения ребенка трудно будет тебе, хочешь остаться?» «Я хочу остаться, у меня вид на жительство, еще время нужно». <...> Он [муж] такой хороший. Может, если бы он предлагал, я не отказала бы, замуж вышла бы [смеется]. Я такого мужчину просто так очень редко вижу, настоящий мужчина.

После упрощения процедуры приема в гражданство России у Мумтозы появилась возможность получить его без отказа от гражданства Узбекистана. К этому времени у нее уже был иной план миграции: приобрести жилье и остаться в Петербурге: «Я хочу остаться здесь, я хочу жить здесь. У меня нет такого чувства... нету желания уезжать в Узбекистан. Не скучаю...». При этом информантка активно вовлечена в транснациональные сети: к ней часто обращаются знакомые с вопросами, связанными с документированием, медициной и другими просьбами. Женщина, несмотря на статус одинокой матери, всё же упростила свой статус среди родственников: многим из них женщина помогала как материально, так и решая юридические проблемы:

ЛГ: *А в семье к этому [к многократным замужествам] как относятся?*

Мумтоза: *Нет, они же понимают все. Семья мне верит. Они знают, что я делаю правильно. Они вообще-то меня уважают в семье моей. Поддерживают, наоборот.*

В течение нескольких лет нашего знакомства статус женщины и ее уверенность в своих возможностях и правах менялись. На это влияло не только наличие статуса в стране — Мумтоза изначально производила впечатление человека, который не даст себя в обиду. С ростом опыта взаимодействия с госорганами, содействия соотечественникам, мобилизации для помощи русскоязычных друзей, некоммерческих организаций (в том числе правозащитных) ее статус как в семье, так и среди знакомых в транснациональной сети оказывался выше. По крайней мере, о Мумтозе определенно нельзя сказать, что женщина подвергается стигматизации или остракизму. Сама информантка часто прибегает к мотиву достижений: она не любит углубляться в те обстоятельства жизни, где без возможности выбора оказывалась в уязвимом положении. Мумтоза в эти моменты переходит к утверждению достижения своих целей: получение гражданства и покупка комнаты — как подтверждение правильности принятых ею важных решений и стратегий.

Важным мотивом в интервью был конфликт с семьей. Неудачный выбор матерью первого мужа, последующее нежелание родных поддержать ее в решении о разводе и принять обратно в дом и гораздо позже признание и уважение со стороны семьи оказываются важными в том нарративе эмансипации, который примеряет на себя Мумтоза. Еще одним характерным замечанием мигрантки оказалось подчеркивание ею как комического опыта наличия «четырех мужей». То, что в исламе допустимо для мужчин, оказывается еще одним вариантом эмансипации для женщины, которая стремится удалиться от нормативного (во время ее развода, т.е. 15 лет назад) сценария сохранения и восстановления брачного статуса.

Рамкой выбора религиозного брака в миграции было и то, что разведенная женщина соотечественниками рассматривается именно в качестве второй жены — это определяет ее позициональность в качестве возможной партнерши. И хотя в миграции Мумтоза в меньшей степени сталкивалась с осуждением ее статуса разведенной, определенные паттерны управляющего общества остаются актуальными. Тот репертуар браков, который открылся в миграции, приводит как к большей уязвимости женщины (одинокой беременной матери), так и к возможности воплотить свои планы без поддержки семьи: получить гражданство и приобрести жилье для себя и детей.

«Вишня и черешня — не один вкус»

Знакомство с Гульнорой состоялось вне моей работы в НКО. Нас познакомила одна из моих информанток, ее подруга. Обще-

ние ограничилось одним интервью, поскольку через несколько месяцев Гульнора уехала в Узбекистан.

В самом начале разговора Гульноре позвонила дочь с просьбой прислать деньги для покупки детской смеси внукам информантки. Две дочери Гульноры живут в Ташкенте, обе замужем, с детьми. Но сама Гульнора к тому моменту не планировала возвращаться в Узбекистан — многое связывало ее именно с Петербургом.

Гульнора родилась в Ташкенте в 1974 г. После школы отучилась в колледже и планировала получать высшее образование по выбранной специальности, но вышла замуж в 20 лет. Несмотря на заверение семьи мужа в том, что у Гульноры будет возможность учиться, обстоятельства сложились иначе. После скорой беременности и рождения первой дочери она забеременела вторым ребенком. Когда две дочери подросли и пошли в школу, женщина устроилась на работу.

Честно говоря, у меня большинство... на 100 % был муж против этого [устройства на работу]. Свекор у меня: «Хорошо, можно, но сейчас пока дети маленькие». А так муж мне вообще запрещал. <...> Я его с этим терпела 12 лет. Он пить начал, начал все мое золото продавать, драгоценности. <...> Ему не нравилось, что я работала именно в МВД, «жена выше меня стоит», — вот так он всегда говорил.

Гульнора отмечает, что была бы готова сидеть дома, если бы муж обеспечивал семью. Но его образ жизни и проблемы с алкоголем создавали инверсию традиционных ролей — заботясь о детях, Гульнора также работала. Муж Гульноры настоял на том, чтобы она покинула работу, где намечалось продвижение по карьерной лестнице, при этом постоянной занятости у него по-прежнему не было. Муж также бил Гульнору. Всё это послужило причиной развода: «Вот в конце концов терпение лопается. Потом я собрала и ушла. Я сама сделала шаг, собрала детей и ушла».

До развода Гульнора с мужем и детьми жила в одном доме с семьей его брата. Вернувшись в родительский дом после развода, Гульнора столкнулась с неприятием со стороны родных: «У нас, если дочка возвращается от мужа... как бы развелась, идешь к родителям, ты уже все — пустой воздух там, никому не нужна». Родственникам — маме и брату — не нравилось, что Гульнора с детьми живут в их доме. Женщина испытывала трудности в поиске работы, и знакомые посоветовали ей оставить детей у родителей и поехать в трудовую миграцию в Турцию.

И я действительно уехала, чтобы дом себе купить, чтобы крыша была — моя собственная крыша для детей, вместе

с семьей чтобы мы там жили. Без мужа, естественно. Я для детей это все старалась и делала.

В 2008–2010 гг. в Турции Гульнора находилась в незадокументированном статусе с сопутствующими рисками — не могла получить разрешение на работу и не выходила лишний раз из дома, чтобы не столкнуться с полицией. Женщина работала в нескольких семьях домработницей, сиделкой и няней больше двух лет. В одной из семей на Гульнору начал обращать внимание женатый отец работодателя, предлагая стать его любовницей. Гульнора, которая не стремилась обзавестись отношениями, обратила на это внимание работодателя, но ситуация не поменялась. Женщина ушла работать сиделкой в другую семью. Работа оказалась физически тяжелой, что подорвало здоровье Гульноры. Параллельно женщина подозревала, что ее родственники — мама и брат — плохо заботятся о дочерях, поскольку те ограничивали их общение по телефону. В итоге Гульнора была задержана полицией в тот момент, когда родственники срочно потребовали у нее перевести деньги. Гульнору депортировали с запретом на въезд на пять лет. Женщина признается, что уезжала из Турции, уже не желая возвращаться. Эмоционально (из-за подозрения, что за детьми плохо ухаживают, сложностей в общении с работодателями) и физически (из-за проявившихся проблем со здоровьем) опыт миграции был для нее тяжелым.

Вернувшись в Ташкент в 2010 г., женщина поправляла здоровье. Позже ее мама предложила снова отправиться в миграцию — в результате Гульнора провела всего несколько месяцев в Узбекистане. Она хотела забрать детей, но все же поехала в Петербург одна и поселилась у племянницы. Скоро ей пришлось искать другое жилье, поскольку муж племянницы начал домогаться ее. По ее замечанию, повторилась та же история, что и в Турции, так как родственница не поверила Гульноре. Та собрала вещи и ушла, несмотря на то что, проработав два месяца посудомойщицей, не получила зарплату. Ей помог случайный встретившийся соотечественник — кондуктор в троллейбусе, поинтересовавшийся, почему Гульнора весь день ездит с вещами. Он познакомил Гульнору с хозяйкой квартиры, где была женская комната, — туда Гульнора устроилась «в долг». Вышеописанные истории нежелательного внимания к информантке, на мой взгляд, могут объяснить мотивации будущего брака.

Так я потихоньку устроилась. Не буду врать вам, мне месяца через четыре попался человек. Один раз он меня попросил: «Я слышу, ты на русском разговариваешь хорошо, ты писать умеешь?» Естественно, умею. «Помоги нам, надо написать

заявление». «А для чего?» — чтобы его вытащить с отдела полиции. Ладно, помогу. «Всё, вы меня оставите в покое?» Потому что общаться с чужими мужчинами я боялась тогда, еще в Турции боялась.

Поскольку общение началось с ее помощи, вероятно, женщина чувствовала себя менее уязвимо. После мужчина помог Гульноре найти постоянную работу — к тому моменту она находила «халтуры» через знакомых. Вероятно, поиск безопасности также сыграл значение в дальнейшем развитии отношений:

Потом общались, разговаривали. Он мне помогал кое-где, что надо. Потом он просто откровенно сказал: «Так общаться мне не нравится. Мы уже взрослые люди, не 15-летние дети. Выходи за меня замуж». — «Как?» — «Ну вот так, вместе будем жить, я буду помогать тебе и детям твоим буду помогать».

Рациональный подход к браку прослеживается как у самой Гульноры, так и у ее партнера. В 2010 г. пара прочитала никах и начала жить в религиозном браке. Примерно тогда Гульноре позвонила мама с требованием немедленно приехать, не объяснив причин. По приезду родственники сообщили, что не готовы дальше заботиться о ее детях. Гульнора нашла бывшего мужа, с которым не общалась с момента развода, оформила документы и уехала из Ташкента с дочерьми. Брак сделал возможной для Гульноры в том числе жизнь рядом с детьми, поскольку мужчина готов был поддерживать и ее детей: «Он очень бережет нас, меня, моих детей».

В 2014 г. через хозяйку, у которой Гульнора несколько лет снимала квартиру, женщина нашла мужа для оформления документов: «Она мне помогла со своим другом, брак фиктивный сделала». Сейчас у Гульноры есть вид на жительство. Женщина отмечает, что муж не возражал против такого рода брака:

ЛГ: А как ваш настоящий нынешний муж к этому отнесся?

Гульнора: Отлично, говорит: «Давай, делай, я никаких претензий тебе не предъявляю». Потому что он знает, что я с русским мужчиной не буду жить. Вы знаете, что мусульманская женщина не имеет права жить с другой нацией, кроме мусульман.

Муж Гульноры Алишер из Таджикистана. Гульнора обозначает, что для нее было важнее вероисповедание, нежели этничность или гражданство мужчины. Однако женщина подчеркивает, что не рассматривала в качестве партнеров мужчин из Узбекистана, так как это могло привести к репутационным рискам для ее дочерей. С этой же целью она в целом ограничивала свое общение с мужчинами из Узбекистана:

Понимаете, я не люблю это. Я всегда стараюсь себя оградить тем, чтобы в будущем моим детям не было пятно, что вот, она проституткой была, она со мной жила. <...> Придет время, в Ташкенте вдруг мы увидимся, и он начинает всем говорить, рекламировать о том, что вы плохая женщина.

У Алишера есть семья в Таджикистане и несколько взрослых детей. Мужчина работал в России по патенту. В 2021 г. Алишера депортировали из-за административных нарушений и закрыли въезд на три года. Несмотря на то что брак на момент интервью около двух лет продолжался на расстоянии, муж, по словам Гульноры, регулярно «контролирует» — интересуется, чем она занимается, как дела у ее дочери и тестя. Гульнора отмечает, что перед замужеством «проверяла» его: спрашивала, будет ли муж поддерживать первую семью. Женщина подчеркивает, что для нее была важна надежность партнера: готовность не бросать первую семью ради нее словно была подтверждением его серьезного подхода к отношениям. Гульнора не проблематизирует свой статус второй жены и не ревнует мужа, поскольку не сомневается в его привязанности.

«Я хочу с тобой жить», — вот так мне говорит. — «На два фронта тебе не трудно будет?» — на два фронта работать — трудно. — «Нет, мне с тобой хорошо. Жена, да, она мать моих детей. У меня с ней другое, а с тобой другое». Яблоки оди-накового вкуса не бывают же, вишня и черешня — не один вкус, размер другой. Вот так вот.

Здесь, как и в кейсах выше, я бы хотела проследить рациональный и инструментальный подход к браку в миграции. Потребность Гульноры в поддержке в ситуации сложных отношений с родственниками, которые плохо заботились о ее детях, ее предыдущий опыт общения с мужчинами — насилие и харассмент, а также негативный опыт трудовой миграции в Турции, где она подорвала здоровье на тяжелой работе, — эти условия отчасти определили выбор Гульноры в пользу религиозного брака и статуса второй жены. В юридическом аспекте этот брак не защищается законодательствами ни России, ни Узбекистана, ни Таджикистана, гражданином которого является муж Гульноры, но поскольку с религиозной точки зрения ритуал легитимизирует союз, пара прочитала никах.

Гульнора отмечает, что общаться и работать предпочитает с россиянами, поскольку сплетни — инструмент социального контроля — могли принести репутационные издержки ее дочерям. В отличие от Мумтозы, Гульнора выбрала более отстраненную позицию в транснациональной сети. Ее новый муж был известен только матери. Только через три года о браке узнала семья мужа, «потому что все же слухи-то идут».

Заключение

Какие особенности привносит миграция в брачный опыт женщин? На мой взгляд, мобильность увеличивает репертуар ролей и возможных сценариев, которые выбирают женщины. Это может происходить в форме опробования разных конфигураций гендерного контракта и ролей в нем, как у Анисы. Или в поиске безопасности для себя и детей, как в случае Гульноры. Попутно с общими жизненными целями, например рождением второго ребенка в случае Мумтозы, брачные отношения также дают возможность более надежного документирования статуса в стране. Хотя это и несет правовые риски лишения статуса при вскрытии фиктивного характера брака, информантки не упоминали возможность подобного сценария.

Миграция предлагает разнообразный репертуар браков. На пересечении условно современных и традиционных сценариев, религии и секулярных тенденций, миграционных политик разных стран и желания привязанности возникают особого рода брачные конфигурации, не принадлежащие культурам отдельных стран, но специфические именно для транснациональной миграции. В историях моих информанток это множественные браки. Они могут пересекаться по времени (как религиозный и фиктивный), задействовать разнообразный культурный репертуар и различным образом мотивироваться в биографии женщин.

Параллельно со значимостью эмоциональных аспектов решений информанток и сопутствующих им чувств (злость, эмоциональная привязанность, обиды) брак в миграции представляется достаточно рациональным проектом. У разных видов брака различные функции: у никях (религиозного) — легитимация для близких и самой женщины (если религия играет важную роль в ее жизни), у фиктивного — документация и более прочный статус в стране. Брак может предполагать только торжество, как в случае первого брака Анисы, муж которой сыграл свадьбу в родном городе информантки для ее «авторитета».

Любопытно, что в случае разведенных женщин отход от норм традиционного уклада (который, как отмечают сами информантки, значительно модернизируется в Узбекистане) уже не несет для них больших репутационных рисков. Так, у женщин появляется возможность ориентироваться на более индивидуалистическую модель миграции и целеполагания, как в случае Анисы. Или же в меньшей степени опираться на ожидания и поддержку семьи, как в случае Гульноры и Мумтозы. Мотив достижений и эмансипации, утверждения независимости от родственников подчеркивает тенденцию индивидуализации. При этом трудно однозначно судить о «починке социального

статуса» через брак в миграции. Однако все информантки озвучивали в интервью мотивы, свидетельствующие о стремлении к нуклеаризации семейных отношений — интересы расширенной семьи и мнение родственников о семейном статусе словно уже не были определяющими в их жизненных решениях.

Миграция в биографии может представляться самими женщинами как эмансипаторный или расширяющий возможности (*empowerment*) проект. Последнее (хотя перевод и не самый точный) в буквальном смысле наблюдается также в том, что две из упомянутых информанток намеревались получить водительские права в России — об этом Мумтоза и Гульнора сообщили в разговоре вне интервью. Как мне кажется, это отлично подытоживает нарратив стремления к расширению прав (приобретение в том числе водительских), а также создает образ модернизированной женщины. Однако проблематично было бы утверждать в отрыве от анализа уязвимостей, с которыми сталкивались женщины, эмансипаторный характер миграции как таковой.

Благодарности

Осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-18-00377. <<https://rscf.ru/project/22-18-00377/>>.

Библиография

- Абашин С. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // *Ab imperio*. 2015. Т. 2015. № 3. С. 125–165.
- Бредникова О. «Живу, постоянно оглядываясь» // Бредникова О., Абашин С. (ред.). «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность: Сб. ст. М.: НЛО, 2021. С. 71–105.
- Касымова С. Таджикские женщины в трудовой миграции: вынужденная тактика выживания или выбор свободных женщин? // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 68–81.
- Махмуд С. Политика благочестия: исламское возрождение и феминистский субъект. М.: НЛО, 2023. 360 с.
- Темкина А. Сексуальная жизнь женщины: между подчинением и свободой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. 376 с.
- Akiner S. Between Tradition and Modernity — the Dilemma Facing Contemporary Central Asian Women // Buckley M. (ed.). *Post Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 261–304.
- Bloch A. *Sex, Love, and Migration: Postsocialism, Modernity, and Intimacy from Istanbul to the Arctic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017. 272 p.
- Eraliev S., Heusala A.L. Central Asian Female Migrants' Transnational Social Spaces: Straddling Illegality and Tradition // Turaeva R., Urinbo-

- yev R. (eds.). *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe*. Abingdon: Routledge, 2021. P. 114–132.
- Erel U. *Constructing Meaningful Lives: Biographical Methods in Research on Migrant Women* // *Sociological Research Online*. 2007. Vol. 12. No. 4. P. 35–48.
- Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. 144 p.
- Kamp M., Nurdinova S. *Uzbek Migrants in Türkiye* // *Region*. 2022. Vol. 11. No. 2. P. 193–210.
- Karimova S., Azimova N. *Modern Uzbek Family and Marital Relations: A Case Study on Mindon Village, Ferghana Province* // *CIRAS discussion paper 69: 社会主義的近代とイスラーム・ジェンダー・家族*. 2017. Vol. 69. No. 1. P. 45–55.
- Nizamedinkhodjayeva N., Bock B.B., Mollinga P. *Gender, Migration and Rural Livelihoods in Uzbekistan in Times of Change* // Bock B.B., Shortall S. (eds.). *Gender and Rural Globalization: International Perspectives on Gender and Rural Development*. Wallingford: Cabi, 2017. P. 34–51.
- Rahmonova-Schwarz D. *Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2012. 247 p.
- Rocheva A., Varshaver E. *Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation* // *Asia-Pacific Population Journal*. 2017. Vol. 32. No. 2. P. 87–136.

Multiple Marriages in Biographical Narratives of Female Migrants from Uzbekistan

Leisan Garipova

European University at St Petersburg
6/1A Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
lgaripova@eu.spb.ru

The article examines the biographical narratives of women from Uzbekistan who migrated after unsuccessful marital relationships. In Russia, these women utilise a repertoire of marital relations specific to migration, which resonates with changes in its legislative framework. The study, based on interview materials, explores the meanings women include in multiple marriages during migration. In the case studies it is examined how different types of marriages are rationalized by migrant women, and also how various types of marital unions intersect in their experience. The possibility of “repairing” marital status in Russia and the option of remaining

unmarried are important epiphenomena of migration. Marital relationships in migration can also enhance not only the status of the women themselves in the country but also contribute to the mobility of their children.

Keywords: women migration, marriages in migration, transnational migration, migration of divorced women, migration to Russia from Uzbekistan, family migration.

Acknowledgements

Financially supported by Russian Science Foundation, project no. 22-18-00377. [<https://rscf.ru/project/22-18-00377/>](https://rscf.ru/project/22-18-00377/).

References

- Abashin S., 'Vozvrashchenie domoy: semeynye i migratsionnye stszenarii v Uzbekistane' [Returning Home: Family and Migration Scenarios in Uzbekistan], *Ab Imperio*, 2015, vol. 2015, no. 3, pp. 125–165. (In Russian).
- Akiner S., 'Between Tradition and Modernity — the Dilemma Facing Contemporary Central Asian Women', Buckley M. (ed.), *Post Soviet Women: From the Baltic to Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997, pp. 261–304.
- Bloch A., *Sex, Love, and Migration: Postsocialism, Modernity, and Intimacy from Istanbul to the Arctic*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2017, 272 pp.
- Brednikova O., "Zhivu, postoyanno oglyadyvayas" ["I Live, Constantly Looking Back"], Brednikova O., Abashin S. (ed.), *"Zhit v dvukh mirakh": pere-osmyslyaya transnatsionalizm i translokalnost* ["Living in Two Worlds": Rethinking Transnationalism and Translocality]: A coll. of articles. Moscow: NLO, 2021, pp. 71–105. (In Russian).
- Eraliev S., Heusala A. L., 'Central Asian Female Migrants' Transnational Social Spaces: Straddling Illegality and Tradition', Turaeva R., Urinboyev R. (eds.), *Labour, Mobility and Informal Practices in Russia, Central Asia and Eastern Europe*. Abingdon: Routledge, 2021, pp. 114–132.
- Erel U., 'Constructing Meaningful Lives: Biographical Methods in Research on Migrant Women', *Sociological Research Online*, 2007, vol. 12, no. 4, pp. 35–48.
- Illouz E., *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007, 144 pp.
- Kamp M., Nurdinova S., 'Uzbek Migrants in Türkiye', *Region*, 2022, vol. 11, no. 2, pp. 193–210.
- Karimova S., Azimova N., 'Modern Uzbek Family and Marital Relations: A Case Study on Mindon Village, Ferghana Province', *CIRAS discussion paper No. 69: 社会主義的近代とイスラーム・ジェンダー・家族*, 2017, vol. 69, no. 1, pp. 45–55.
- Kasymova S., 'Tadzhikskie zhenshchiny v trudovoy migratsii: vynuzhdannaya taktika vyzhivaniya ili vybor svobodnykh zhenshchin?' [Tajik Women in Labor Migration: Forced Survival Tactic or Choice of Free Women?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2012, no. 4, pp. 68–81. (In Russian).

- Mahmood S., *Politika blagochestiya: islamskoe vrozozhdenie i feministskiy subyekt* [Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject]. Moscow: NLO, 2023, 360 pp. (In Russian).
- Nizamedinkhodjayeva N., Bock B. B., Mollinga P., 'Gender, Migration and Rural Livelihoods in Uzbekistan in Times of Change', Bock B. B., Shortall S. (eds.), *Gender and Rural Globalization: International Perspectives on Gender and Rural Development*. Wallingford: Cabi, 2017, pp. 34–51.
- Rahmonova-Schwarz D., *Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia*. Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, 2012, 247 pp.
- Rocheva A., Varshaver E., 'Gender Dimension of Migration from Central Asia to the Russian Federation', *Asia-Pacific Population Journal*, 2017, vol. 32, no. 2, pp. 87–136.
- Temkina A., *Seksualnaya zhizn zhenshchiny: mezhdu podchineniem i svobodoy* [Woman's Sexual Life: Between Submission and Freedom]. St Petersburg: EUSP Press, 2008, 376 pp. (In Russian).